

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ. 1840–1855

Иванова Алина Павловна,

кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды,
Тихоокеанский государственный университет,
Россия, Хабаровск, e-mail: iva.nova@mail.ru

УДК: 72.03(47)

Шифр научной специальности: 2.1.11

DOI: 10.47055/19904126_2026_1(93)_11

EDN: LCZVBE

Тип статьи: RAR Научная

Аннотация

В статье рассматриваются две конкурирующие стратегии пространственного освоения Тихоокеанского побережья России в 1840–1855 гг.: «Охотский проект» (промысловая колонизация) с опорными пунктами в Охотске, Петропавловске-Камчатском, Аяне и «Амурский проект» (военная колонизация) с опорным пунктом в Николаевске-на-Амуре и сетью постов (Петровский, Мариинский, Александровский, Константиновский и проч.). По воспоминаниям современников и визуальным источникам середины XIX в. реконструируются образы факторий Российско-Американской компании (Охотска и Аяна). Рассматриваются предпосылки освоения Нижнего Амура в парадигме «судьба России – расширяться по Амуру».

Ключевые слова:

фактории Российско-Американской компании, Охотск, Аян, Нижний Амур, Невельской

SPATIAL DEVELOPMENT OF THE PACIFIC COAST. 1840–1855

Ivanova Alina P.,

PhD. (Architecture), Associate Professor, Architectural Environment Design,
Pacific National University,
Russia, Khabarovsk, e-mail: iva.nova@mail.ru

УДК: 72.03(47)

Шифр научной специальности: 2.1.11

DOI: 10.47055/19904126_2026_1(93)_11

EDN: LCZVBE

Type: RAR Scientific

Abstract

The article examines two competing strategies for the spatial development of Pacific Russia in 1840-55: the "Okhotsk project" (industrial colonization) with strongholds in Okhotsk, Petropavlovsk-Kamchatsky, Ayan and the "Amur project" (military colonization) with a stronghold in Nikolaevsk-on-Amur and a network of posts (Petrovsky, Mariinsky, Aleksandrovsky, Konstantinovskiy, etc.). Based on the memoirs of contemporaries and visual sources from the mid-19th century, the images of the Russian-American Company's trading posts (Okhotsk and Ayan) are reconstructed. The preconditions for the development of the Lower Amur are examined within the paradigm of «Russia's destiny is to expand along the Amur.»

Keywords:

trading posts of the Russian-American Company, Okhotsk, Ayan, Lower Amur, Nevelskoy

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20354, <https://rscf.ru/project/24-28-20354/> и Министерства образования и науки Хабаровского края (Соглашение № 119С/2024) «Военная тема в архитектурно-пространственном освоении Дальнего Востока».

Введение

Это первая из трех статей «Амурского цикла», посвященных пространственному освоению северо-восточного Тихоокеанского побережья во второй половине XIX – начале XX в. Во второй статье рассматривается «протоархитектура» военных постов на Нижнем Амуре и материковых берегах Татарского пролива, заложенных в 1850–1853 гг., в третьей – этапы формирования г. Николаевска-на-Амуре (1850–1914 гг.) силами военно-морских ведомств.

Цель статьи – обобщение информации из открытых источников, на основании которых можно реконструировать архитектурно-пространственное оформление русских опорных пунктов северо-восточной Пацифики в середине XIX в.

Объекты исследования – архитектурный образ русских постов и факторий на Охотском море, Нижнем Амуре и восточном побережье Татарского пролива; **предмет** исследования – литературные и графические репрезентации пространственного освоения Тихоокеанской России.

Источниковая база исследования – фонды РГАВМФ, РГИА и РГИА ДВ. При работе над статьёй использовались источники середины XIX – начала XX в., находящиеся в открытом доступе: – «Русские на Восточном океане: путешествие Ал. Маркова» (1856) [1]; описание Охотска в 1850 г.

– «Фрегат «Паллада», И.А. Гончарова (1855–1858) [2]; описание Аяна в 1854 г.

– Посмертные записки Геннадия Ивановича Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849-55 гг.» (1878) [3]; описания Петровского и Николаевского постов 1850–1853 гг.

– «Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа» (1891) [4], автор которого – подполковник Генерального штаба Александр Францович Рагоза, служивший в ПВО с 1888 по 1891 гг., приводит описания (возможно, с чужих слов) военных постов на Нижнем Амуре и закрепляет трактовку событий в парадигме Невельского.

Благодаря Гончарову Аян вошел в главный травелог русской классической литературы. Записки Невельского являются основой «амурского нарратива»; на них ссылаются практически все, кто пишет об освоении Нижнего Амура в середине XIX в. «Очерки» Рагозы упоминаются военным историкам, но не входят в обычный круг источников истории архитектуры. Разумеется, литература о русских форпостах на восточных побережьях не исчерпывается приведенным перечнем, она гораздо обширнее.

К сожалению, с *визуальными источниками* дело обстоит значительно хуже. В свободном доступе есть несколько европейских гравюр с видами Охотска, Аяна и Мариинска, выполненных по эскизам путешественников (читатель легко найдёт их в хорошем разрешении в открытом доступе в интернете). Автору статьи пока не удалось лично ознакомиться с альбомом пейзажей Франца Баганца «Путь обратный по Сибири с июня до сентября 1867 г.» (РГИА, ф. 1088). Судя по репродукциям его акварелей из дальневосточного цикла, созданного во время плавания на военном транспорте «Гиляк» (1864–1865) по заказу Гидрографического департамента, именно Баганц, имевший навык рисования видов лоций и акваторий, оставил наиболее точные образы некоторых из интересующих нас локаций. Его панорамы Охотска, Аяна, Николаевска-на-

Амуре, сделанные с низкого ракурса, фотографически точно воспроизводят характер рельефа и застройки.

Изучаемая тема включает два аспекта:

- историю освоения северо-восточной Азии, Охотского побережья и Нижнего Амура,
- историю архитектурно-градостроительного наследия указанных территорий.

По первому блоку есть множество изданий и публикаций как академического, так и научно-популярного характера. В частности, это книги А. Алексеева «Н.К. Бошняк и открытие Советской гавани» (Хабаровск, 1955) и «Сподвижники Г.И. Невельского» (Южно-Сахалинск, 1967) [5], возвратившие имена русских морских офицеров в коллективную память советских дальневосточников. Алексеев приводит (без указания источников) редкие зарисовки с натуры Николаевского, Мариинского и Константиновского постов 1854 г. [5; с. 37, с. 110, с. 94].

В монографии Федота Григорьевича Сафронова «Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в» (1978) [6] четвертая глава посвящена главным опорным пунктам русского движения на Восток: Якутску, Охотску, Гижигинску, Петропавловску и проч. Сафронов, по-видимому, первым опубликовал планы острогов и крепостей из коллекции фонда «Карты, планы и чертежи Петербургского Сенатского архива» РГИА. Русским острогам XVII в. на Верхнем Амуре посвящена недавняя (2023) статья д.ф.н. А.П. Забияко (Благовещенск).

Ко второму блоку относятся работы нашего учителя, Николая Петровича Крадина, который (в соавторстве с А.В. Ополовниковым), в 1980-х гг. опубликовал в журнале «Архитектурное наследие» цикл статей о северо-восточных острогах и крепостях. В 1988 г. вышла в свет его книга «Русское деревянное оборонное зодчество» (М. Искусство); в 2003 г. в форме доклада была защищена докторская диссертация «Русская архитектура Дальнего Востока XVII – начала XX в.». Первая часть доклада называлась «Колонизация восточных окраин России» и включала подробнейший анализ крепостей и острогов региона. Вслед за Н.П. Крадиным мы используем термин «колонизация» применительно к освоению новых восточных территорий, но предлагаем рассматривать две разные формы – промысловую и военную колонизацию.

Хронологические рамки исследования: 1840-е – 1855 гг. В статье рассматривается два этапа освоения Тихоокеанского побережья России:

1840–1848 гг. – завершение двухсотлетнего периода промысловой колонизации северо-восточной Тихоокеанской акватории; основные опорные пункты: Анадырь (1647), Охотск (1647), Удский острог (1679), Петропавловск-Камчатский (1740), Гижинск (1752), Ново-Архангельск (1799), Аян (1843).

1849–1855 гг. – переход к военной колонизации: на смену приказчикам и управляющим Российско-Американской компании (РАК) приходят русские морские офицеры. Героическую эпоху фронта мы видим глазами Невельского и его сподвижников. В течение 5 лет на Нижнем Амуре, на восточном побережье Татарского залива и на западном побережье Сахалина создается сеть опорных пунктов, воплощающая пространственную стратегию Невельского (см. таблицу).

**Создание оборонительной структуры в устье Амура и на побережье Татарского залива.
1850-1855 г. Составлено по [4, с. 24]**

Пост / дата заложения	Локация	Основатель	Первый гарнизон
Петровский пост 29.06.1850	Юго-восток Охотского побережья, близ Амурского лимана, в северной части залива Счастье	Прапорщик при корпусе флотских штурманов Д.И. Орлов, состоявший на службе Русско- Американской компании	25 человек команды
Николаевский пост 1.08.1850	Амурский лиман, мыс Кузгда в 140 верстах к югу от Петровского поста	Капитан-лейтенант Г.И. Невельской	6 матросов
Александровск ий пост 4.03.1853	Татарский пролив, залив Де Кастри	Капитан 2-го ранга Н.К. Бошняк	3 человек казаков, усиленных вскоре до 7 человек
Мариинский пост 4.03.1853	Правый берег Амура, у с. Котово (в северо- восточной части озера Кизи)	Приказчик русско- американской компании Березин	6 человек матросов
Константиновск ий пост 6.08.1853	Татарский пролив, Императорская гавань (Ходжа)	Капитан 1-го ранга Г.И. Невельской	8 человек при уряднике
Ильинский пост 30.08.1853	Сахалин, в устье реки Кусунай, у одноименного селения айнов	Прапорщик Д.И. Орлов	5 человек
Муравьевский пост 22.09.1853	Сахалин, у селения айнов Тамара-Анива в заливе Анива	Капитан 1-го ранга Г.И. Невельской и майор Н.В. Буссе	86 человек при 8 орудиях.
Воскресенский Михайловский, Богородицкий посты 1855	Протоки Нижнего Амура между Николаевским и Мариинским постами	Капитан 1-го ранга Г.И. Невельской	

Обычно процесс освоения русскими Тихоокеанского побережья описывается как «движение встреч солнца» с акцентом на восточном векторе, но уже с середины XIX в. этот вектор резко повернулся на юг. Из простого перечня русских опорных пунктов: Охотск (1647), Петропавловск-Камчатский (1697), Аян (1843), Николаевск-на-Амуре (1850), Императорская Гавань (1853), Владивосток (1860), Дальний/Порт-Артур (1903) видно целеустремленное движение России к круглогодично незамерзающим портам.

Так как исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края, географические рамки работы ограничены современными границами региона. В тексте упоминаются: Охотск, Аян, Николаевск, Мариинск, Де Кастри, Императорская гавань (Совгавань). Архитектурно-градостроительное наследие военного ведомства в Николаевске-на-Амуре (1850–1920 г.) – тема нашей отдельной статьи.

Методика исследования строится на сопоставлении литературных и визуальных источников 1840–1903-х гг.

1. 1840–1850 гг. «Охотский проект»

В первой половине XIX в. главную роль в русской северной Пацифике играла Российско-Американская компания, имевшая фактории в Охотске и Гижинске (расположенном на полпути между Охотском и Петропавловском). Первоначально оба города находились в 30 верстах от устьев рек, на которых стояли (Охотск – на левом берегу р. Охоты, Гижинск – р. Гижиги), что препятствовало навигации и привело в итоге к закрытию гижинской фактории и перемещению Охотска.

Краткий анализ природно-климатических факторов, осложнявших функционирование Охотского порта, оставил московский купец Марков, посетивший город в 1850 г. по дороге в Америку: «Так как берега реки Охоты большею частью низменны и ровны, то при сильном разливе воды она затопляла строения жителей. В отстранение этого неудобства, порт перенесли на отлогий мыс, находящейся между морем и дугообразным устьем реки Охоты» [1, с.25].

Именно этот вариант Охотска представлен на планах, выявленных автором статьи в 1293 фонде РГИА. На ранней схеме Охотска (вероятно второй половины XVIII в.) зафиксированы: россыпь квадратных изб, прямоугольные амбары (казармы?) и крестообразная в плане церковь (рис. 1). На плане, вычерченном архитектором 2 класса Антоном Лосем, довольно хаотично разбросаны масштабные домовладения причудливых очертаний (рис. 2). В 796 фонде РГИА (Канцелярия Синода) есть дело 1744 г. «О постройке новой церкви вместо сгоревшей Преображенской в Охотске», но так как планы не датированы, сложно сказать, какой по счету деревянный храм на них зафиксирован.

В 1293 фонде РГИА хранятся два проектных предложения 1840 г. по полной реконструкции города, где от прежнего Охотска не осталось и следа. Вместо живописного хаоса – жесткая сетка прямоугольных кварталов и огромная квадратная площадь с храмом и гостиным двором; отмечены офицерские флигеля, морские казармы, гауптвахта и прочие обязательные элементы русского гарнизона (рис. 3).

Рис.1. План г. Охотска б/д. РГИА. Ф. 1293

Рис. 2. План г. Охотска б/д. РГИА. Ф. 1293

Рис. 3. План реконструкции г. Охотска. 1840. РГИА. Ф. 1293

Однако новое место, выбранное для Охотского порта, также оказалось «невыгодным по следующим обстоятельствам» [1, с.25]:

1. Жестокие ветра с открытого моря заносили зимою порт снежною вьюгой;
2. Жители испытывали острый дефицит пресной воды, так как встречный морской прилив делал речную воду солёной; приходилось ездить за водой за 30 верст вверх по Охоте к старому порт. Устроенный казною городской колодец в зимнее время промерзал от сильных морозов.

Промерзающие до дна колодцы и водоемы оставались серьезной проблемой в русских дальневосточных гарнизонах, как минимум, до 1914 г. В архивных делах об организации базы Амур-

ской речной флотилии (1910–1912) нам попадались рапорты о том, что постоянные пожары, раздуваемые зимними шквальными ветрами, приходилось тушить нечистотами из выгребных ям, так как вода превратилась в лед [7]. Однако вернемся к Охотску, который являлся главным «складочным пунктом для Камчатки и наших американских колоний» [3, с. 40], а также служил «защитой с восточной стороны Сибири» [1, с. 25].

Марков перечисляет основные постройки Охотска в 1850 г.: «приморское управление, 2 батареи с огромными пушками, привезенными на кругосветных казенных судах, 1 церковь, 13 лавок, и не более 100 жилых деревянных домов» [1, с. 25].

Визуальные репрезентации Охотска. Самой известной ведуттой, запечатлевшей морской фасад Охотска, является иллюстрация из атласа, выпущенного в Лондоне в 1802 г., и посвященного «Путешествию, совершенному по приказу императрицы Екатерины Второй по северу Азиатской России, в арктическом море, в Анадырском море и к берегам Америки с 1785 по 1794 гг. командором Биллингсом». Экспедиция Биллингса проводила рекогносцировку Охотского побережья; вероятно, гравюра выполнена на основе зарисовки с натуры. На панораме Охотска отчетливо выделяются вертикальные доминанты – деревянные шатры, венчающие два храма (а не один, упоминаемый Марковым), и дом с башенкой под флагштоком. Судя по развевающемуся флагу – это фактория РАК, располагавшаяся на самом мысу. Туземные чумы и сушильни для рыб соседствуют с избами и мазанками, ютящимися на склонах сопок, в целом пейзаж весьма обаятелен.

Эффектная веддута 1802 г. была воспроизведена с романтическими дополнениями (восходящее солнце, прорывающее тучи веером лучей) известным французским гравером Виктором Адамом в еженедельном журнале «Le tour du monde: nouveau journal des voyages» (Париж, январь 1860, с.165) для иллюстрации статьи о путешествии по Якутии (рис.4).

Port d'Okhotsk (sup. la note 1, p. 162). — Dessin de Victor Adam d'après l'atlas du Voyage dans la Russie asiatique commandé par le commodore Billings.

Рис. 4. Вид Охотска. Гравюра Виктора Адама 1860 г. по мотивам гравюры 1802 г.
Источник: «Le tour du monde: nouveau journal des voyages» (Париж, январь 1860, с.165)

На гравюре 1857 г. морской фасад формируют длинные одноэтажные цейхгаузы и казармы. На фоне монотонной одноэтажной застройки выделяются два объекта: крепатое в плане здание с башенкой под флагом (фактория РАК или приморское управление, упоминаемое Марковым?) на въезде в город и храм «корабельного» типа в центре, вероятно, на Соборной площади.

На панораме Охотска Ф. Баганца 1865 г. город вытянут в одну улицу вдоль берега, у подножия сопки. Хорошо читается церковь с колокольной под высоким шпилем, заметны большие двухэтажные (!) строения, но отсутствует узнаваемый силуэт здания с башенкой.

Основание Аяна. Вероятно, у российской администрации были серьезные намерения, связанные с Охотском, но порт не устраивал Российско-Американскую компанию, «имевшую там неудобства, как в отправлении пушных товаров через Охотскую дорогу, так и в худом проходе больших ее судов через Фарватер, заставили ее перенести Факторию в Аян» [1, с. 25]. (Сам Марков в своей книге выдвигает идею основания русской кругосветной торговой компании).

РАК расставляла на ключевые позиции своих людей и активно лоббировала собственные интересы. В 1843 г. новым правителем охотского отделения РАК был назначен Василий Степанович Завойко, добившийся переноса фактории на юг – в Аянский залив (270 миль по морю от Охотска). С помощью служивших в РАК якутского мещанина Березина и Д. И. Орлова (подробнее о них см. в [5]), Завойко основал Аян – третий опорный пункт на русском тихоокеанском побережье. По мнению Невельского, Аян, как и Охотск с Петропавловском, представлял собой «ничтожную деревню», а правительство «смотрело на этот край как на неизбежное зло» [3, с. 40]. Если в Охотск по реке Охоте сплавляли лес для строительства кораблей и домов, в Аяне не было даже такой возможности [3, с. 40].

Репрезентация Аяна в русской классической литературе. Через 10 лет, в середине мая 1854 г. в Аяне высадился И.А. Гончаров, возвращавшийся из кругосветного плавания на фрегате «Паллада». Прочитируем замечательное описание Аянской бухты, которую Гончаров увидел с борта шхуны «Восток» (находившийся в аварийном состоянии фрегат «Паллада» из устья Амура, где ее покинул Гончаров, был переведен в Императорскую гавань и затоплен в начале 1856 г.): «Шкуна подвигалась прямо на утесы. Вот два из них вдруг посторонились, и нам открылись сначала два купеческих судна на рейде, потом длинное деревянное строение на берегу с красной кровлей. «Это пакгауз», – заметил кто-то... Ущелье все раздвигалось, и наконец нам представилась довольно узкая ложбина между двух рядов высоких гор, усеянных березняком и соснами. Беспорядочно расставленные, с десятков более, нежели скромных домиков; за ними – зеленый купол церкви с золотым крестом. На песке у самого берега поставлена батарея, направо от нее верфь, с остовом нового судна, дальше целый лагерь палаток, две-три юрты, и между ними кочки болот. Вот и весь Аян. Это не город, не село, не посад, а фактория Американской компании....» [2, с. 491].

В 1854 г. в население Аяна было около 200 человек, и Гончаров четко фиксирует сословно-этническую стратификацию по типу жилья: «Чиновники компании помещаются в домах, казаки в палатках, а якуты в юртах. Казаки исправляют здесь военную службу, а якуты статскую» [2, с. 491].

Визуальные репрезентации Аяна. Описанию Гончарова точно соответствует литография П. Смирнова (1857) [2, с. 490]: серые «громадные утесы» и крошечные постройки, уютящиеся в распадке: хорошо заметны длинные пакгаузы, батарея и верфь.

На пейзаже Ф. Баганца 1865 г. горы, окружающие Аян, менее зловещи, прямоугольные в плане постройки под двускатными кровлями живописно раскиданы в заросшей ёлками долине, прямо на оси симметрии расположена светлая вертикаль церкви, на переднем плане – большой пакгауз с двумя фронтонами на фасаде, обращенном к пристани.

Более известна раскрашенная вручную гравюра на дереве Хильдибранда, сделанная по мотивам акварели Т. Вебера 1870 г. (когда в Аяне был введен режим порто-франко). Светлые дома, белеющие на фоне мрачных прибрежных скал, выглядят вполне цивилизовано, некоторые из них имеют мезонины. Появился мост через ручей Сарафановку и береговые укрепления. Интересно, что пакгаузы обшиты на американский манер – вертикально, а не горизонтально, как было принято у русских.

Лоббисты РАК стали распространять слухи, что Аян «может быть главным нашим портом на Востоке», «но Аян оставался той же ничтожной деревней, что и был» (Невельской несколько раз подряд повторяет определение «ничтожный») [3, с. 48].

«Партия Завойко» продолжала докладывать генерал-губернатору Восточной Сибири о преимуществах Аяна как транспортного хаба для связи с Якутском. Завойко предлагал план расселения крестьян по берегам р. Май между Аяном и Нелькиным, уверяя правительство, что в этой приполярной области обилие плодородных земель [3, с. 53].

В 1849 г. «правительство окончательно и казалось бесповоротно» решило «отдать навсегда Китаю весь Амурский бассейн как бесполезный для России по недоступности мореходных судов и неимением на его побережье гавани», а «все внимание обратить на Аян, как на самый удобный порт в Охотском море и на Петропавловск, который должен стать главным портом нашим на Восточном океане» [3, с. 57].

Казалось, что «партия Завойко» с «охотским проектом» победила, но в это же время (1849) экспедиция Невельского доказала судоходность устья Амура, опровергнув существовавшие представления об отсутствии выхода в Тихий океан.

2. Амурский проект Г.И. Невельского и Н.Н. Муравьева-Амурского

Предпосылки освоения Нижнего Амура подробнейшим образом объяснены Г.И. Невельским [3, с. 43–68]. Интерес РИ к проблеме организации обороноспособных портов на тихоокеанском побережье был обусловлен, в первую очередь, геополитическими соображениями, поскольку победа Великобритании в Первой опиумной войне (1842) предоставила англичанам плацдарм в Восточной Азии (открытие 5 китайских портов для европейской торговли). «Нас не включили в число других европейцев, потому что мы вели уже торговлю с Китаем через Кяхту» [3, с. 41], указывает Невельской на роковой исток «амурского вопроса».

Кроме того, Санкт-Петербург беспокоило растущее число американских китобойных судов, бороздящих воды Охотского моря и периодически грабящих поселения коренных народов. Дерзкие китобой (наиболее энергичные акторы промысловой колонизации северной Пацифики) «заходили в самый Петропавловск, разбирали на дрова батареи» и приглядывались к русским берегам [3, с. 41].

Однако главной причиной было исключительно удачное – широтное (а не меридианное, как у великих сибирских рек) направление течения Амура, что позволяло рассматривать его в качестве магистрали, соединяющей ценные сибирские ресурсы с новыми рынками на Тихом океане.

Помимо этих очевидных причин, назовем менее известное обстоятельство, возможно, спровоцировавшее несанкционированный демарш Невельского с поднятием на мысе Куэгда русского флага и объявлением Нижнего Амура русской территорией (1 августа 1850 г.).

Sharyl Corrado (Assistant Professor of Russian History at Pepperdine University, Malibu, California) опубликовал в 2015 г. статью о влиянии «широко признанного отца современной исторической

и культурной географии», профессора Берлинского университета Карла Риттера на разведку Амурского бассейна [8].

Основной идеей Риттера был «географический детерминизм» (природа определяет естественные границы государства). Именно эта идея вдохновила балтийских немцев на русской службе (А. фон Миддендорфа, Ф. Литке, Ф. Врангеля) основать в 1842 г. Русское географическое общество (РГО).

В 1843 г. ученик Карла Риттера Александр фон Миддендорф отправился в экспедицию на Дальний Восток. Предупрежденный Петербургом об опасности вторжения на условно-китайскую территорию (которой, по Нерчинскому договору 1689 г. считалось всё, что южнее Станового хребта), Миддендорф, тем не менее, проигнорировал приказы и исследовал низовья Амура. Как и Риттер, он считал, что водные пути являются естественным средством сообщения и транспорта, их водоразделы делят Землю на естественные единицы территории. С этой точки зрения, земли вдоль Амура и Уссури были по праву русским, а не китайским. Для него Амур и его притоки, текущие из внутренней Сибири, не могли быть оторваны от самой России. Поскольку человеческие поселения следовали водным путям, Миддендорф полагал российскую экспансию по обе стороны Амура неизбежной [8].

В 1846 г. Риттер был назван почетным членом РГО, его работы перевели на русский язык и получили широкое распространение, повлияв и на С. Соловьева (который считал, что судоходные водные пути способствовали единству как народа, так и государства и трактовал русскую историю как ряд миграций по речным путям, сходящимся на Москве-реке). РГО отдавало приоритет органическим границам русской нации, над границами искусственно созданного государства, и члены Общества часто были в противоречии с консервативной политикой царя Николая I и министра иностранных дел Карла Нессельроде в представлении об Амуре как «совершенно бесполезном».

Лучший выпускник престижного Военно-морского училища Г.И. Невельской 10 лет служил на Балтийском флоте под командованием Ф. Литке, который был основателем РГО и организовал перевод базовых текстов Риттера на русский язык. Невельской, так же как и его будущий покровитель Николай Муравьев, был вовлечен в работу РГО и разделял идеи Риттера. Хотя его интерес к Амуру возник из-за геополитического и стратегического значения этой реки, Невельской вскоре стал опираться на тезис, что судьба России – расширяться вдоль Амура. То, что делало реку русской, по мнению Невельского и Муравьева, было ее происхождением глубоко в Сибири, которая сама была связана реками с европейской сердцевиной России [8]. Римский-Корсаков, впервые прошедший в 1853 г. на шхуне «Восток» по Татарскому проливу, также разделял эти идеи и писал о бассейне Амура, как о неотъемлемой части органической русской земли, «без которой все тело будет страдать»¹.

Еще раз отметим, что этот сюжет не представлен в русскоязычном «невельском дискурсе»; вполне вероятно, что идеи Риттера были инспирированы подъемом немецкого национального романтизма, не имели научной достоверности и уж тем более не могли быть приложимы к спорной территории на восточном краю Евразии. Возможно, и члены РГО, и Невельской с Муравьевым, стремились в Амурский лиман, вдохновленные изначально ошибочной теорией. Однако в итоге Невельской возглавил присоединение Россией более 900 000 кв. км.

С учетом исторического контекста, следует напомнить, что учеником Риттера был и Фердинанд фон Рихтгофен, участник Прусской Восточноазиатской экспедиции (1859–1862), ставившей своей целью поиск базы для восточной германской эскадры. Рихтгофен – выдающийся исследователь императорского Китая (1868–1872), впервые предложивший концепцию (и сам термин) «шелкового пути», вероятно, немало поспособствовал образованию германской ко-

лонии в провинции Цзяочжоу. Продолжая «немецкую тему», заметим, что именно основание Циндао в 1898 г. как базы для германской эскадры, стало решающим аргументом, подтолкнувшим русское правительство к занятию Порт-Артура. В течение 5 лет (1850–1855) командой Невельского было заложено 10 постов (рис. 5).

Рис. 5. Схема опорных постов Тихоокеанской России.(опорные пункты «Охотского» и «Амурского» проектов). Автор схемы – Е. Самсонова

Рис. 6. Схема размещения военных постов, основанных Амурской экспедицией Невельского в 1850–1855 гг:

1. Петровское зимовье,
2. Николаевский пост.
3. Мариинский пост.
4. Александровский пост/Де Кастри
5. Ильинский
6. Константиновский пост/Императорская гавань.
7. Муравьевский.
8. Воскресенский
9. Михайловский
10. Богородицкий.

Автор схемы – Е. Самсонова

Рис.7. Схема Амурского бассейна. Автор схемы – Е. Самсонова

Невельской был уверен, что «нам нужно не сосредоточиваться, а напротив – рассредоточиваться малыми отрядами по всему побережью края с тем, чтобы привлечь противника к блокаде одного и тем самым заставить его фактически признать этот край принадлежащим России» [4, с. 38]. Подробнее о строительстве этих военных постов будет рассказано во второй статье «Амурского цикла».

Заключение

Восточный «Амурский проект» Невельского с центром в Николаевске-на-Амуре, явился альтернативой северному «Охотскому проекту» РКА (с центром в Аяне), который продвигал В.С. Завойко. Конкуренция проектов, во главе которых стояли амбициозные «люди длинной воли», привела к формированию двух слабо сообщающихся между собой систем расселения (рис. 6).

В «Охотском проекте» опорные пункты размещались по северному побережью Охотского моря, а главные связи были ориентированы:

- 1) вглубь континента, по р. Май и Лене до Якутска;
- 2) из Петропавловска-Камчатского через Берингово море – в фактории Русской Америки.

Развитие этого проекта было остановлено осадой Петропавловска англо-французской эскадрой (1854), за которой последовала эвакуация населения и перенос порта в Николаевск. В 1867 г. была продана Аляска, а в 1881 г. РАК была упразднена. Тем не менее, в начале XX в. появился ряд проектов строительства железнодорожного сообщения с Америкой через Берингов пролив¹⁻⁴. В хабаровской газете «Приамурские ведомости» в 1910–1912 гг. эта идея обсуждалась как вполне реальная и основная дискуссия велась на тему того, откуда вести ж/д ветку – от Алексеевска или Хабаровска. Тема русско-американского транспортного коридора через Берингов пролив неожиданно вновь возникла в текущей повестке осенью 2025 г.

В перспективе «Амурского проекта» Николаевск мог стать хабом для нескольких потоков:

- 1) по Амуру в западном направлении к Хабаровску, а оттуда – по Сунгари в Маньчжурию и/или к Благовещенску (столице «Амурских прерий» и начинающейся «золотой лихорадки») (рис. 7);
- 2) через Сахалинские посты – к Японии (в открытые в 1854 г. порты Иокогама, Кобе, Нагоя, использовавшиеся для зимовки русской эскадры), и далее – через Гонолулу (который служил перевалочным пунктом многочисленным европейским мореплавателям XIX в) к портам западного побережья Американских Штатов;
- 3) по Татарскому проливу – во Владивосток, и через Японское и Жёлтое моря – в европейские селттельменты на юго-восточном побережье Китая (Шанхай, Циндао, Гонконг и проч.) и Квантунскому полуострову. Именно по этому маршруту (Николаевск-Владивосток-Порт-Артур/Дальний) с 1872 по 1905 гг. шло развитие Тихоокеанской России.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 29. О сооружении железнодорожной линии Канск – Берингов пролив. – 180 л.

² РГИА. Ф. 190. Оп. 4. Д. 473. Проект соединительного канала от Санкт-Петербурга до города Николаевска на побережье Охотского моря в связи с железной дорогой от Санкт-Петербурга до Ванкувера через Берингов пролив, составленный отставным директором Прусских железных дорог Фроицгеймом. – 28 апреля 1908 г.

³ РГИА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 899. Дело о проекте сооружения американским акционерным обществом Сибирско-Алексинской железной дороги через Берингов пролив. – 6 марта 1903 г. – 30 октября 1907 г.

⁴РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. По предложению представителя американского синдиката Лойе-де-Лобеля о строительстве железной дороги транс-Аляска-Сибирь с тоннелем через Берингов пролив и по предложению американца Джексона о предоставлении ему концессии на постройку железных дорог в Восточной части России (Средней Азии, Зап. Сибири, на Урале). – 15 нояб. 1905 – 1 мая 1907 гг.

Библиография

1. Марков, А. Русские на Восточном океане : путешествие / А. Марков. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : тип. А. Дмитриева, 1856. — 263 с.
2. Гончаров, И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествий : в 2 т. / И.А. Гончаров. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1986. — 878 с.
3. Невельской, Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 гг. Приамурский и Приуссурийский край : посмертные записки адмирала Невельского / Г.И. Невельской ; изд. супругой покойного Екатериной Ивановной Невельской ; под ред. и с предисл. В. Вахтина. – СПб. : Русская скоропечатня (Л.С. Нахимова), 1878. – 424 с.
4. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа / сост. Ген. штаба подполк. Рагоза; по указанию командующего войсками Приамур. воен. окр. – Хабаровка : Тип. Штаба Приамур. воен. округа, 1891. – [6], 154 с.
5. Алексеев, А. Сподвижники Г.И. Невельского / А. Алексеев. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное кн. изд-во, 1967. – 143 с.
6. Сафронов, Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. / Ф.Г. Сафронов. – М. : Наука, 1978. – 258 с.
7. Иванова, А.П. База Амурской речной флотилии под Хабаровском как пример дальневосточного военного урбанизма. 1908–1918 / А.П. Иванова, А.С. Пятков, А.В. Чернышова // Архитектон: известия вузов. – 2025. – № 2 (90). – URL: http://archvuz.ru/2025_2/10/. – DOI: 10.47055/19904126_2025_2(90)_10.
8. Corrado, S. “The Highest Limit of Statesmanship”: Ritterian Geography and Russian Exploration of the Amur River Basin, 1849–1853 / S. Corrado // *Sibirica*. – 2015. – Vol. 14, no. 2. – P. 1–28. – DOI: 10.3167/sib.2015.140201.

References

1. Markov, A. (1856) Russians on the Eastern Ocean: A Journey. 2nd ed. St. Petersburg: A. Dmitriev Press. (in Russian)
2. Goncharov, I.A. (1986) Frigate “Pallada”. Travel essays. Leningrad: Nauka. (in Russian)
3. Nevelskoy, G.I. (1878) The achievements of Russian naval officers in the extreme East of Russia 1849-55. St. Petersburg: Russkaya skoropechatnya. (in Russian)
4. Ragoza (1891) A brief outline of the occupation of the Amur region and the development of the military forces of the Amur Military District. Khabarovka: Tip. Shtaba Priamur. voen. okruga. (in Russian)
5. Alekseev, A. (1967) The companions of G.I. Nevelskoy. Yuzhno-Sakhalinsk: Dalnevostochnoe knizhnoe izdatelstvo. (in Russian)
6. Safronov, F.G. (1978) Russians in Northeast Asia in the 17th – mid-19th centuries. Moscow: Nauka. (in Russian)
7. Ivanova, A.P., Pyatkov, A.S. and Chernyshova, A.V. (2025) Amur River Flotilla base near Khabarovsk as an example of far eastern military urbanism, 1908-1918. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2(90). Available at: http://archvuz.ru/en/2025_2/10/ / doi: 10.47055/19904126_2025_2(90)_10. (in Russian)

8. Corrado, S. (2015) The Highest Limit of Statesmanship: Ritterian Geography and Russian Exploration of the Amur River Basin, 1849–1853. *Sibirica*, 14(2), pp. 1–28. doi: 10.3167/sib.2015.140201

Ссылка для цитирования статьи

Иванова, А.П. Пространственное освоение Тихоокеанского побережья. 1840–1855 / А.П. Иванова // Архитектон: известия вузов. – 2026. – №1(93). – URL: http://archvuz.ru/2026_1/11/ – DOI: [https://doi.org/10.47055/19904126_2026_1\(93\)_11](https://doi.org/10.47055/19904126_2026_1(93)_11)

© Иванова А.П., 2026

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция - на тех же условиях»).
4.0 Всемирная

Дата поступления: 08.12.2025
Дата рецензирования: 10.02.2026
Дата принятия к печати: 06.03.2026